

Нина Стручкова

ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНАЯ

ДЕТСТВО

Ища спасенья от беды,
Ты снова в детство загляни-ка.
Какие там шумят сады!
Какая зреет земляника!

В лугах у ласковой реки
Стеной разросся дождик спелый.
Траву скосили мужики,
А дождик — так и не успели.

Но чтобы высохли луга,
Трудолюбивый и летучий,
Он сам тогда сметал в стога
Свои разорванные тучи.

И свежесть каждого цветка
Все объяснит легко и просто.
Какое счастье, что пока
Еще мы небольшого роста!

И, босоногие, в поля
Вбегаем словно по ступеням.
И красоту свою земля
Нам открывает постепенно.

Душа наполнится сама
Избытком радостного вздоха.
...До земляники — три холма
Да поле сладкого гороха.

Нина Николаевна Стручкова родилась в деревне Погореловка Тамбовской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала в издательстве «Молодая гвардия», журнале «Очаг», в настоящее время — редактор журнала «Сельская новь». Автор трех поэтических книг, многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, антологиях поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Не жду вестей, не жду гостей,
Хоть это дорого,
Но пробирает до костей
Озноб восторга

От тех рябин, чьи не таясь
Пылают гроздья,
От той земли, что пыль и грязь,
И плодородье.

От вещей птах, поющих тут,
Кривых завалин.
Все это родиной зовут —
Звучит банально.

Но здесь, где властвует простор,
Где труд до пота
И где рождается восторг —
Мне жить охота!

* * *

Я не пишу в стихах: «Россия».
Не будешь ведь родную мать,
Которая тебя взрастила,
Официально называть.

Но вот когда: «Откуда вы?» —
В чужой стране незло спросили,
То все сказали: «Из Москвы»,
А я сказала: «Из России».

АВГУСТ

В деревянном амбаре,
чей возраст амбарный немолод,
Где звезда выбирает, в какую прореху светить,
Запах свежего хлеба —

он только вчера был размолот —

И горшок молока, чтобы утром спросонья попить;

Где насыпаны яблоки — спелые, сочные — горкой,
Надкусила — и брызнул тягучий и пенистый сок,
Где полыни пучок на гвозде,

чуть привядшей и горькой,

Да сушеной черемухи полон в углу туесок —

Там уютнее спать и чудеснее утром проснуться,
Дотянуться рукой до сухой поседевшей стены,
И луча запыленного ласково пальцем коснуться,
И продлить расставание с летом, чьи дни сочтены.

Девушка пела в церковном хоре...

А. Блок

Женщина пела в церковном хоре...
 Две-три старухи — какой там хор!
 И церкви не было. Было горе,
 Да гроб, да слезы, да чистый двор.

Да и не пели, а отпевали.
 Попа не звали — в такую глушь!
 Подругу ждали иные дали,
 Не эти пашни, где пыль да сушь.

...И был там голос! Да, был там голос —
 Не предназначен для похорон.
 Как будто с телом душа боролась —
 Так был наполнен и страстен он.

Женщина пела и всех роднила,
 И всем живущим была своя.
 И воскрешала, не хоронила
 Звонящим: «Жизнь бесконеч-на-ая!»

* * *

Студеные волны пронесит река,
 И воздух осенний морозцем наперчен.
 Просторно и вольно, и только слегка
 Вдали горизонт перелеском очерчен.

Прекрасное время — пора для стихов.
 Ищу вдохновенья, странички листаю...
 На вспаханном поле, меж свежих стогов,
 Грачи хлопотливо сбиваются в стаю.

Ни криков, ни песен, ничьих голосов,
 Лишь тянет по ветру дымком с огорода.
 Такому простору не надобно слов,
 Без шума с людьми распростится природа.

А птицы над полем поднимутся вдруг,
 Береза рукою взмахнет золотою —
 И выхватит ветер тетрадку из рук,
 Швырнет на костер с догоревшей ботвою.

— Ты просто постой, посмотри, помолчи,
 Послушай шуршание листьев в овраге...
 А над головою все кружат грачи,
 Как черные хлопья сгоревшей бумаги.

Сияюще, слепяще, горячо —
Есть в осени особенность такая:
Потоками замедленных ручьев
С деревьев листья сонные стекают.

Кипенье в очистительном огне,
Потом полет! А после — грязь и сырость...
Как им легко! Но как же больно мне
Глядеть на их оторванность и сирость.

Под этот сток ладони поднести,
Наполнить их сухим, бесплотным жаром.
Я так хотела что-нибудь спасти,
А даже лист в горсти не удержала!

Но дивным светом дни озарены.
В природе ничему не будет тесно.
Когда-то ведь разделимся и мы
На черный слой земли
и белый свет небесный.

* * *

Дорога в поэмке — река с поперечным течением,
Сугробы обочин — покруче любых берегов.
Вечерней порою все смыслом полно и значением.
Легко затеряться, исчезнуть среди этих снегов.

Ни звука, ни следа, и так далеко до чего-нибудь!
Но близко до неба. До ночи.
До крайних пределов души.
И видно, как свет незакатный спускается по небу
Туда, где спасенные души
пронзительно так хороши.

Там отблеск прощальный и мне обещает прощение.
Но все-таки, все-таки,
все-таки надо идти.
Хотя бы затем, что кому-то мое возвращение
Нужней и желанней, чем мне — окончанье пути.

* * *

Я задыхаюсь в городе, когда
Толпа гудит, грохочут поезда,

И чувство локтя — минус, а не плюс,
Пожалуй, я домой потороплюсь.

«В деревню, в глушь!» — не праздные слова,
Здесь воздухом проветрена молва,

Прохожих двое-трое — все родня,
Похожи — два-три века, два-три дня;

И на посту за створками окна —
Знакомый космос и родная тишина.